

Индивидуальность — единство несовместимого

В.В. Печенков,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Московского городского психолого-педагогического университета и Психологического института РАО

Выдвигается гипотеза о динамическом подходе к изучению индивидуальности. Динамическая индивидуальность позиционируется как тайна (закрытое, неаддитивное, незавершенное образование), а исходной точкой анализа выбрана метафора «индивидуальность как ограниченность». Обсуждается идея противоречия двух возможных путей (способов) развития индивидуальности (центробежный и центростремительный), а также идея «многоместной» индивидуальности как попытка преодоления этого противоречия. С позиции динамического подхода индивидуальность предстает как уникальное инновационно-консервативное образование, обеспечивающее процесс индивидуализации — инициирования и поддержания постоянного самопреображения человека.

Ключевые слова: индивидуальность, проблема совмещения стабильности и развития, метафоры индивидуальности, монтаж, движение и диалог метафор, противоречие путей развития индивидуальности, «многоместная» личность, индивидуализация.

Странное единство

Тема индивидуальности выглядит ясной и хорошо разработанной, однако на поверку оказывается самой сложной из всего, что только можно себе представить. При ближайшем рассмотрении под внешним покровом простоты обнаруживается непонятное единство таких несовместимых свойств, как внутренняя неизменность и самотождественность, с одной стороны, и движущее начало, обеспечивающее постоянное обновление индивидуума, с другой. Проблема совмещения стабильности и развития невозможно обойти стороной, если мы хотим продвинуться от очевидности к знанию о целостной индивидуальности.

Эта проблема в психологии решается по-разному. Самый распространенный способ — дифференциация психики на ядро и оболочку — встречается под разными именами: «врожденное-приобретенное», «природное-социальное», «генотип-фенотип» и т. п. Сочетание внешней гибкости и внутреннего постоянства трактуется как условие свободного существования человека — пластичная оболочка компенсирует недостатки, обусловленные инертностью ядра.

Другой способ — рассечение психического на содержание и динамику — рождает понятие темперамента, индивидуального способа или стиля деятельности. Оригинальность этого решения в том, что динамика психического реагирования (темп, ритм, амплитуда) представляет полюс стабильности, опре-

деляемый врожденными нейрофизиологическими особенностями, а содержание складывается во взаимодействии со средой и является величиной переменной.

В психологии развития существует вариант решения, где периоды изменения и стабильности следуют друг за другом. Это — представление о литических (стабильных) и кризисных (динамичных) периодах развития, выдвинутое П.П. Блонским и развитое затем Л.С. Выготским [5].

Еще одна версия представлена в идее конвергенции внешних и внутренних факторов [9], суть которой в том, что индивидуальные особенности направляют человека в поисках подходящей жизненной ниши. Осторожный человек не выберет профессию, угрожающую его жизни и здоровью, интроверт будет стремиться свести к минимуму общение с другими людьми. Меняет ли человек условия обитания, стиль жизни, профессию и т. п. — все трансформации направлены на уменьшение трения между индивидуальностью и средой.

В идее конвергенции неудачи и трудности представлены как отрицательное подкрепление, однако известно, что для многих людей препятствия выступают в качестве положительного подкрепления, мощного стимула к развитию. Сильный и самолюбивый человек поворачивается к трудностям лицом, а если он полагает причиной своих неудач собственные недостатки, то будет искать возможность изменить себя. В таком случае индивидуальность стано-

вится фактором психического саморазвития, самопреодоления.

Чтобы расширить понимание условий и форм участия индивидуальности в развитии психики человека, рассмотрим проблему индивидуальности с более общих позиций. Становление проблемы происходило на скрещении двух представлений. Первое видит в индивидуальности казус эволюции, который следует вытеснить из «объективной» науки. Но поскольку индивидуальное является единственным способом существования всеобщего, то исследователи изобретают способы усреднения случайных форм и связей, чтобы преобразовать их в объективные логические закономерности. Методология естественных наук, безусловно, признает приоритет всеобщего в определении истинности полученного знания, доверяясь набору «объективных» фактов, выявленных в результате сравнения и обобщения конечного числа субъективных наблюдений. Наибольшая вероятность фактически приравнивается к сущности объекта или явления, а генеральной стратегией вероятностной методологии является прогнозирование.

С альтернативной точки зрения индивидуальность человека представляется главной составляющей смысла его бытия, его сущностью, единственной достойной внимания субъективной реальностью.

Науки, изучающие действительность с точки зрения всеобщего, относятся к «номотетическим», а науки, рассматривающие действительность с точки зрения неповторимости единичного, относятся к «идиографическим». Образование понятий осуществляется в номотетических науках путем ориентации на среднестатистические закономерности («генерализирующий» метод), в идиографических науках — путем описания уникальных характеристик явления («индивидуализирующий» метод). Отношения между методами разных наук сложны и противоречивы: одни исследователи верят, что их можно сочетать, другие полагают, что это невозможно. На наш взгляд, более продуктивно оценивать исследования индивидуальности в психологии по типу применяемой ими стратегии — *аддитивной* или *неаддитивной*. Аддитивную стратегию использует *аналитическое* направление, которое рассматривает индивидуальность как составленную из элементов структуру, всегда идентичную самой себе. Поскольку это направление видит в качестве единственно верного движения к постижению целостной индивидуальности путь через типологию индивидуальных различий, вполне логично именовать его *аналитико-типологическим* направлением.

На первый взгляд, это направление выглядит естественным и перспективным, с чем трудно согласиться, поскольку спектр особенностей, характеристик, параметров и свойств постоянно ширится и уже не поддается никакому разумному осмыслению, а число известных на сегодняшний день типологий столь велико, что их трудно перечислить [11]. Но главное в том, что вопреки внешней направленности интересов на изучение «субъективной реальности», по своей внутренней сути анали-

тико-типологическое направление продолжает линию развития номотетических наук, используя «генерализирующий» метод, основанный на сравнении и усреднении. Не трудно понять, что переход от единой для всех нормы к нескольким типам, в принципе, ничего не меняет, поскольку поиски как общего, так и типического в индивидуальном одинаково ведут к отказу от изучения самого индивидуального. Моцарт, Босх, Чехов интересны не общими либо типическими чертами, а именно своей необычностью, самостью, впрочем, как и любой человек.

Каждому исследователю индивидуальности приходится решать проблему *исключительности*, которая по общему согласию является ключом к пониманию индивидуальности. Проблема в том, что вероятностные методы создавались не для изучения уникальных явлений, и того, что не поддается сравнению, для них просто не существует. Как писал Р. Штайнер: «Индивидуальность нигде вне себя не имеет оснований, в этом сложность ее понимания, она не может быть понята через сходство ни с чем, кроме самой себя ...» [19, с. 112].

Можно констатировать, что имеется явное несоответствие определения базового конструкта индивидуальности как исключительности и вероятностной методологии естественных наук.

Дело даже не в том, что нет четких схем и инструкций по сборке целостной индивидуальности, а в том, что само стремление поставить уникальность человека в станок формул и правил лишено смысла. Измеренная при помощи искусственных эталонов индивидуальность — всего лишь мнимость, а человек, диагностированный и занесенный в реестр — это никак не единственный, а только единичный, один из многих. Единица отделена, но связана рядоположением, в то время как индивидуальность, наделенная исключительностью, всегда вне ряда и вне закона, несравнима и атипична.

Похоже, что именно между единичностью и единственностью можно провести черту, отделяющую психологию индивидуальности от психологии индивидуальных различий. Психология индивидуальности не должна рассматривать свой предмет сквозь призму общего или типического, изучать состав и структуру, измерять степень сходства с типовыми образцами, но ей следует обратить внимание на другие вопросы:

— Зачем индивидуальность всегда единственна и неповторима?

— С какой целью в человеке кристаллизуется неприятие плагиата, явное пренебрежение всем вторичным и неоригинальным?

— Почему только в кошмарном сне можно представить себе человеческое общество, состоящее из абсолютно одинаковых людей?

— Как связаны уникальность и достоинство человеческой личности? Н.А. Бердяев писал: «У меня всегда была мучительная нелюбовь к сходству лиц, к сходству детей и родителей, братьев и сестер. Черты родового сходства мне представлялись противоречащими достоинству человеческой личности» [2, с. 15].

— Всегда ли в истории человечества индивидуальность была востребована как сейчас? Что собой может представлять филогенез индивидуальности?

— Является ли индивидуальность привилегией человека, т. е. насколько правомерно говорить об индивидуальности камня, вещи, цветка, дерева, животного?

— Различаются ли «внутренняя» и «внешняя» индивидуальности, а также «индивидуальность для себя» и «индивидуальность для других»?

И это всего лишь малая часть вопросов, ответы на которые не дает аналитико-типологический подход, не желая вникать в особенности происхождения и развития индивидуальности.

Полагаем, что глубина расхождения основных стратегий понимания индивидуальности измеряется давней оппозицией «креационизма» и «эволюционизма» — конфликтом «... между идеей упорядоченного творения, свершенного раз и навсегда, развернутого без непознаваемой тайны, и идеей самопроизводящей, самопорождающей природы, наделенной загадочными способностями, развертывающейся в истории постепенно и переворачивающейся по прошествии долгого времени космический порядок» [18, с. 152].

«Креационизму» в его предельном виде соответствует представление о машинообразном человеке. «Человек-машина» — это единожды сотворенный человек, до последнего винтика понятный и предсказуемый. Индивидуальность присвоена ему для идентификации либо внедрена как программа специализации, позволяющая в пределах социальной метасистемы исполнять роль детали, элемента и т. п. Схема «человек-машина» сочетается с аддитивной стратегией аналитико-типологического направления: если известен тип, то известно, что от человека можно ожидать, чему учить, что ему вредно и т. п. Прозрачность «человека-машины» есть результат его законченности, случайности в нем нет места, он приспособлен только к реализации заложенной в него программы. Очевидно, что и мир, в котором он может успешно функционировать, должен быть таким же ясным и завершенным.

«Человеку-машине» противопоставляется живой, неразъемный человек, который, как писал М.М. Бахтин, «... никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить форму тождества $A=A$ Подлинная жизнь личности совершается в точке этого несовпадения человека с самим собой» [1, с. 100]. По мысли В.В. Розанова, человек в целостности своей природы есть существо иррациональное, и полное его объяснение недоступно разуму. «Как бы ни была упорна работа мысли, она никогда не покрывает всей действительности, будет отвечать мнимому человеку, а не действительному. В человеке скрыт акт творчества, и он-то именно и привлек в него жизнь, наградил его страданиями и радостями, ни понять, ни передать которых не дано разуму» [16, с. 29]. Творчество является сущностной чертой

незавершенного живого человека, он открыт для нескончаемого развития, точно так же, как и весь мир вокруг него.

Альтернативный подход

Стремление выбраться из тупика аддитивности застывшей индивидуальности «человека-машины», а также интерес к вопросам происхождения индивидуальности человека целостного, творческого и таинственного привели нас к необходимости выдвинуть гипотезу о *динамическом* подходе как альтернативе статическому подходу аналитико-типологического направления. По причине альтернативности линия гипотезы о динамическом подходе выстроилась на анализе трех взаимосвязанных постулатов — *непознаваемости* (закрытости), *неразъемности* (неаддитивности) и *незавершенности* (возможности развития) человеческой индивидуальности.

Таким образом, исходным моментом является то, что целостная индивидуальность предстает перед нами как **Тайна**, которую нельзя ни «открыть», ни увидеть.

Специфику тайны индивидуальности (самого-самого, самости) А.Ф. Лосев обозначил так: «Существом и природой самого самого является то, что оно свободно, даже от самого себя, что оно равно ни от чего не получает ограничения, различности и определенности, даже и от самого себя. ... Самое само есть тайна. ... Тайна есть то, что по самому существу своему никогда не может быть раскрыто. Но она может являться» [12, с. 301–304].

С большой долей уверенности можно предположить, что область существования тайн находится в пространстве, которое было обозначено Н. Кузанским [10] как знание о незнании. А.Ф. Лосев считал, что пространство это огромно и располагается где-то между абсолютным незнанием и абсолютным знанием и может быть представлено как «синтез и тождество знания и незнания» [12]. Признание чего-либо тайной не означает отказа от рационального познания, следует только уяснить специфику процесса познания в области тайн, на что указывал в свое время Н.А. Бердяев: «Тайна всегда остается, она лишь углубляется от познания. Познание уничтожает лже-тайны, вызванные незнанием» [2, с. 94]. Расширяя пространство знания за пределами компетенции объективных научных методов, освобождаясь от иллюзий ложного знания, мы расширяем путь к подлинной тайне индивидуальности. Исследователь получает возможность действовать в зонах незнания, переводя знание о незнании в форму проблемы. Знание о том, что проблема существует, и ее своевременная постановка важнее, чем систематическая разработка уже сформулированной проблемы.

Поскольку индивидуальность как тайна — понятие, не имеющее предмета, на который можно просто указать, то она всегда осмысливается через своего заместителя — символ, метафору, представление. Обращение к метафоре, говоря словами В.П. Зинченко, «... возвращает к тайне смысла, вызывает желание

прикоснуться к ней, сделать ее более ощутимой» [8, с. 102]. Тайна индивидуальности дает о себе знать множеством метафор, подобно тому, как ветер обнаруживает себя в раскачивании деревьев, наполненных парусах, сорванных крышах, плывущих облаках, не будучи ничем из них. Отдельная метафора вместе с ее интерпретацией представляет гипотетическую модель, а взятые в совокупности метафоры-модели составляют проблемное поле, которое обладает рядом особенностей.

Во-первых, всегда надо осознавать частичность любой из метафор, обусловленную их одномерным характером, непременно оговаривая, что в каждом случае речь идет об одном и том же, но в разных толкованиях, пониманиях, исполнениях.

Во-вторых, сам метод интерпретации метафор не зависит от возможности истинного или ложного интерпретирования. Вопрос о местонахождении истины не имеет к метафоре никакого отношения, что позволяет оторваться от обязательной процедуры науки — верификации гипотез. Она здесь не нужна, ибо метафора — чувственный заместитель, символ, что угодно, только не само явление.

В-третьих, отказываясь от поисков критерия истинности, мы устраняем иерархию и получаем плюрализм взглядов, позволяющий легко переходить от одной точки зрения к другой, чтобы в движении встречных смысловых потоков породить феномен понимания.

Искусство исследователя состоит в том, чтобы организовать это движение, провести «монтаж метафор» (выражение В.П. Зинченко) таким образом, чтобы между ними возник диалог. По аналогии с кинематографическим монтажом метафоры выступают как эпизоды, сцены, фрагменты, и, прежде чем начать выстраивать логику монтажа, исследователю нужно отобрать основные, непременно доступные для здравого смысла представления о содержании понятия. В нашем случае это — «индивидуальность», которая есть:

1. *Артефакт*, трюк слепой эволюции, ненужный дар, пузырь на воде, досадная помеха объективного научного эксперимента.

2. *Особая форма существования человеческого феномена*. Существом и природой индивидуальности является ее абсолютная случайность, обеспечивающая ей абсолютную свободу. В силу этого в ней заключен потенциал развития, наделяющий человека способностью участвовать в изменении устоявшихся порядков. Без такой возможности индивидуального выхода из накатанной колеи бытия развитие человека, да и само его существование давно бы прекратилось.

3. *Источник получения нового знания* о мире, поскольку канал поступления нового знания всегда сугубо индивидуален. *Эвристическая* функция, представленная пунктами 2 и 3, делает единственность индивидуальности бесценным, но и опасным даром, поскольку каждый человек потенциально содержит в себе возможность не только спасения, но и гибели всего человечества.

4. *Ограниченность, несовершенство человека*. Такое понимание встречается у В. Франкла: «Именно из людского несовершенства следует незаменимость и невозможность каждого индивида — поскольку каждый несовершенен на свой манер» [17, с. 197].

5. *Социальные координаты человека*. В основе этой метафоры лежит представление, что индивидуальность объективируется и обретает смысл, только включаясь в систему «человечество», в процессе исполнения социальных ролей и функций. Своеобразие индивидуальной ограниченности сцепляет людей друг с другом, благодаря чему человек и человечество составляют единство, а судьбой единичного человека управляют социальные законы. Кроме того, в обществе индивидуальность выступает в качестве врожденной идентификационной метки, по которой человека можно опознать и привлечь к ответу. В таком представлении индивидуальность отчуждается от человека, отстраняется от него.

Навязываемый социумом тезис, что все «человеческое» в человеке исчерпывается социальной корректностью, ведет к тому, что в самом слове «я» начинает ощущаться что-то стыдное, негативное. В одном из ранних японских трактатов утверждалось: «Если человеком овладевает личное, то им обязательно овладевает злоба; если человеком овладевает злоба, то у него обязательно будут разногласия с другими» [20]. Объявляя единичного человека средоточием зла, заранее лишая его презумпции невиновности, общество подминает индивидуальность под себя, навязывая социальную мораль, одним из непререкаемых постулатов которой является известный тезис: «незаменимых людей нет». Такое отношение к индивидуальности вызывает естественный человеческий протест: «Но наши души длинной сетью // Вылавливали на заре, // Вылавливали и говорили: // Вы единицы, вы не в счет, // Но мы-то мучились, мы жили, // Кто в наших жизнях даст отчет?» [13, с. 430]. Вероятно, можно допустить, что острое ощущение своей единственности и незаменимости способствовало формированию «чувства собственного достоинства».

6. *Основание «чувства собственного достоинства»*. В. Франкл писал: «... человека нельзя ввести составляющим элементом ни в какую систему высшего порядка — ведь он при этом теряет особое качество, которое отличает собственно человеческое бытие, — чувство достоинства» [17, с. 200]. И. Кант определял человеческое достоинство как несравнимую ценность, основанную на автономии воли человека, на том, что нравственный закон не может быть дан человеку извне или свыше, а формулируется исключительно им самим. Человеку невыносимо быть куклой в чужих руках и очень важно сознание зависимости происходящего в мире от того, что он мог бы сделать сам, без палки и поводья. Чувство собственного достоинства, направленное на поддержание устойчивости вертикали подлинной индивидуальности, демонстрирует ее ортогональность иллюзии общественной индивидуальности, распростертой по горизонтали межчеловеческой коммуникации.

7. *Высшая планка равенства* людей, поскольку неповторимость исключает сравнение и оценивание. Человек может быть сильным или слабым, умным или глупым, красивым или нет, но как индивидуальность он уже равен другому человеку потому, что он такой один. Метафора абсолютного равенства неотделима от чувства собственного достоинства потому, что предполагает в качестве обязательного условия самоуважение и только на этой основе интерес и уважение одного особенного к другому особенному. Это положительное равенство реализуется исключительно в личном общении и его следует отличать от правового равенства граждан перед законом. Признание того, что индивидуальность не порок, а высочайшая ценность, делает ее высшей планкой равенства всех людей без исключения, и в таком понимании индивидуальность ложится в основание *абсолютного гуманитарного видения мира*, когда любой человек априорно воспринимается как существо этически равное другому, когда невозможна сама постановка вопроса — хуже он тебя или лучше, даже если его нравственные принципы отличаются от твоих.

Анализ отобранных метафор позволяет сделать вывод, что они в разной степени представляют эвристическую, экзистенциальную, социальную функции индивидуальности, а также функцию идентификации. Но мы поставили перед собой особую задачу — изучить возможности *динамического* подхода к постижению индивидуальности, а этой цели отвечает лишь одна из метафор — индивидуальность как *ограниченность*. И вот почему. Привести нас к пониманию движущих сил развития индивидуальности может лишь такое представление об исключительности, которое исходно содержит в себе возможность осуществления развивающей функции, что в качестве необходимых условий предполагает наличие двух моментов. Первый момент — это возникновение препятствия, затруднения, и второй момент — наличие стремления и возможностей преодолеть препятствие. Л.С. Выготский писал: «Существование препятствий ... есть не только главное условие *достижения цели*, но и неперемное условие самого возникновения и существования цели. ... Существование препятствий создает «цель» для психических актов, т. е. вводит в развитие психики перспективу будущего, а наличие этой «цели» создает стимул для стремления к компенсации» [6, с. 121].

Рассуждая подобным образом, мы выбрали в качестве начальной точки анализа представление об индивидуальности как ограниченности, причем в обоих ее вариантах — *недостаточности* и *отделенности*.

Биполярная психика

Определяя индивидуальность как недостаточность, мы втягиваем в сферу нашего анализа противоположный полюс — достаточность или *универсальность* человека, поскольку утверждение, что каждый человек изначально, актуально недостато-

чен, может быть осмыслено только в неразрывной сцепке с его потенциальной универсальностью. Говоря, что человек рождается с багажом невообразимых возможностей, мы имеем в виду только то, что при наличии желания и неограниченного времени, а также обеспечении необходимых социокультурных условий нормальные природные задатки позволяют любому человеку достичь всех высот совершенства. В реальной жизни универсальность человека ограничена психофизиологическими особенностями, продолжительностью активного периода жизни, обстоятельствами (историческими и географическими), случайностями и т. д. В. Франкл называл эти ограничения *естественной заданностью* человека, состоящей из витальной основы вместе с социальным положением [17].

Мир, в который человек заброшен фактом своего рождения, диктует определенные стратегии поведения и психического развития. Эти стратегии различаются по возможности выбора — для одних людей такая возможность есть, для других нет. Но все стратегии сходятся в том, что отвечают коренному свойству человека — стремлению к свободе. Это свойство выстраивает основную линию поведения человека, направленную на преодоление ограничений любого рода, в том числе ограничений собственной витальной основы. В. Франкл предлагает понимать человека как «... существо, освободившее себя от всего, что его определяло (определяло как биологический, психологический и социологический тип), другими словами, это существо, которое превосходит все эти детерминанты ...» [17, с. 203—204].

Результатом осознания человеком своей ограниченности является выделение внутри единого Я двух полюсов. Один полюс — это Я-сиюминутный, частный, реальный, второй полюс — Я-универсальный, заверченный, идеальный. Эти два полюса — ограниченность и универсальность — в реальности разделены временно й пропастью, но в психическом «пространстве» человека сведены вместе, чтобы возникло силовое поле саморазвития. Подлинным хозяином своей жизни человек становится, если он способен понять себя по отношению к самому себе, а не только по отношению к миру и другим людям. С этого момента происходит решающий поворот — теперь уже не индивидуальность владеет человеком, а человек становится творцом своей индивидуальности. Франкл писал, что «человеческая жизнь, отмеченная с самого начала печатью противостояния человека собственной природе ограниченности, может показаться единой и грандиозно рекордной гонкой» [17, с. 212]. Анализ линии недостаточности-универсальности в контексте процесса развития человека обнаруживает биполярность человеческого самосознания, принадлежащего одновременно вечности и быстротекущему потоку настоящего. Потенциальное бесконечное в психике человека, просвечивая сквозь реальную ограниченность, преобразует последнюю в актуальное бесконечное и потому, будучи существом конечным, смертным, человек живет себе как бессмертный, бесконечный.

С точки зрения развития от ограниченности к универсальности люди максимально различаются между собой в исходной точке, где каждый ограничен по-своему. Поскольку конечная точка — идеал универсальности — одинаков для всех людей (ибо трудно предположить обратное), постольку продвижение к нему размывает различия. В таком представлении индивидуальность не распускается, но растворяется, расходуется, отдавая себя саморазвитию человека.

Констатация существования идеала без указания причин его происхождения может привести к неправомерным толкованиям. Наиболее убедительным кажется предположение, что идеал возникает в сознании существа, недовольного собой и своей жизнью, а потому атрибуты идеала не спускаются «сверху», а формируются по принципу «от противного»: нет представления о здоровье, сытости, равенстве, свободе без представления о болезни, голоде, неравенстве, рабстве. В таком представлении саморазвитие человека выглядит уже не как гонка за идеалом, а скорее как бегство от «анти-идеала». Потенциальная универсальность подразумевает не столько смутное влечение к всестороннему развитию, сколько конкретное желание человека стать бессмертным, всемогущим, вездесущим, всевидящим, всезнающим, самодостаточным и свободным. Полагаем, что именно эти желания кристаллизуются в таких вербальных сгущениях-абсолютах, как Совершенство, Самость, Универсальность, Творец, Создатель и т. п. Каждое из них обладает своими смысловыми оттенками, но для человека они равны уже тем, что одинаково недостижимы в реальности, потому что на пути к ним встает одно непреодолимое препятствие — телесная обреченность, устанавливающая трагический разрыв между ограниченностью времени жизни человека и бесконечностью идеала. Физическая отделенность (замкнутость) и недостаточность являют собой два неразъемных условия жизни: пока человек жив, он отделен и зависим. Проблема совмещения вечности с ограниченностью человека — теоретически тушечная проблема, но практически решаемая оригинальным обходным путем.

Иллюзия целостности

В качестве способа решения неразрешимых проблем человека можно представить создание человечества, обладающего теми же качествами, которыми наделены идеалы, но только в реальности, здесь и сейчас — оно бессмертно, бесконечно, всемерно и т. д. Вступив в систему «человечество», где осуществляется разделение труда, человек продлевает период своей активной жизни во много раз, успевает сделать гораздо больше, чем он сделал бы в одиночку. Объединение людей как частей единого целого есть залог спасения каждого человека в отдельности, поскольку благодаря социальной интеграции восстанавливается его целостность.

Телесная индивидуальность ограничена датами рождения и смерти: для себя я существую, пока жив.

Становясь частью человечества, индивидуальность проецируется в межсубъектное пространство диалога-коммуникации, где начинает существовать в духовном виде, и длительность и устойчивость такого ее существования определяется степенью влияния и признания в социокультурном пространстве. Право на место в этом пространстве духовного бессмертия достигается, среди прочего, через отрицание ценности индивидуального существования во имя общественных ценностей, поскольку успешность выбора индивидуальной жизненной и постжизненной истории в решающей степени зависит от «да» или «нет» других.

Важно то, что человечество по отношению к отдельному человеку выступает не только как способ существования или метасистема, но и как идеал, и в этом качестве становится мощным стимулом к развитию. Лишенная самостоятельного значения, индивидуальность получает его в социосистеме благодаря своей особости, специфичности. Общество активно использует индивидуальность, ограничивая ее социальным уровнем функционирования, на котором единичность, усугубленная особостью, объективируется в социальных ролях и функциях. Человек перестает тяготиться своей односторонностью, наоборот, общество всячески поощряет ее усиление и углубление, поскольку благодаря ей он становится суперпрофессионалом. Предлагая свою особость в форме той или иной способности, человек компенсирует свои неспособности уже не путем всестороннего гармоничного саморазвития, но пользуясь способностями других людей в материальном или идеальном выражении.

Итак, в качестве элемента системы «человечество» индивид получает право на существование в общем культурно-духовном пространстве, благодаря чему продлевает свою индивидуальность за временные и пространственные рамки своей телесности, обретает искомое ощущение свободы (по Бердяеву, это рациональная свобода или исполнение морального долга) и чувство целостности (защищенности от давления среды и страха смерти) в обмен на недостижимую иррациональную свободу.

На пересечении двух линий развития

Противоречие между стремлением человека к совершенству и ограниченностью его жизни ведет к появлению двух альтернативных путей восстановления целостности — *центростремительного* и *центробежного* (центром мы здесь обозначаем универсальность, цельность). Центростремительный путь — это бесконечная гонка от ограниченности-недостаточности к идеалу совершенства. Не в силах в одиночку разомкнуть пределы своей телесной ограниченности, люди объединяются в метасистему «человечество», цель которой — восстановление каждого человека до целого. Этот путь назовем центробежным, поскольку, становясь частью социального организма, человек вынужден развиваться в направлении гиперспециализации, умножая свою ограниченность.

Идея расхождения и противоборства двух линий развития человека положена в основу философской модели человека экстатического, рвущегося выйти за все ограничения, поставленные перед ним природой, в то время как философско-антропологическая традиция, сводящая человеческое к социальному, упорно отрицает не только возможность самодостаточности единичного человека, но даже само его существование. Миф о социальной природе индивидуальности, дарующий человеку вечность, избавляющий его от смертной участи, парадоксальным образом направлен против человека, поскольку заключает в себе антиличностное начало.

Для Н.К. Михайловского неживотное начало в человеке состоит в том, что он исходно, от природы не специализирован и не может смириться ни с какой им же самим выстраиваемой формой общества, выламываясь из нее в борьбе за свободу. Человек, пользующийся одной способностью, доводит ее до совершенства, но все другие его способности подвергаются атрофированию, т. е. специализация ведет к регрессу личности. То, что означает прогресс в жизни общества, является регрессом в жизни человека и наоборот. Общество стремится подчинить и разбить личность, превращая человека в свой собственный орган. Желая избежать этих неприятных последствий, человек должен бороться за самостоятельность и разносторонность своей личности [14].

К слову сказать, в японской культуре средних веков считалось, что совершенный человек должен быть универсален и не испытывать предпочтения ни к чему. Ограниченности лиц, не желающих быть универсальными, противопоставлялись качества, присутствующие в той или иной степени всем представителям японской традиции — цельность и полнота [20].

Факты, выявленные в современной исследовательской практике обучения одаренных детей, хорошо вписываются в этот контекст [21, 22]. В серии экспериментов было показано, что широта интересов является непременным условием развития одаренности: при обучении по программе междисциплинарного обобщения интеллектуальный уровень повышается, в то время как в условиях традиционного обучения (ранней специализации) у одаренных детей обнаруживается отрицательная динамика показателей интеллектуальных и особенно творческих способностей. Изучение явления с разных точек зрения — естествоиспытателя, историка, лингвиста или искусствоведа — создает условия для развития творческого мышления одаренных детей. Отсюда вывод: ограничение интересов детей в целях раннего формирования профессиональных навыков наносит вред как личностному развитию, так и интеллектуальному, и творческому.

Таким образом, в пространстве социума индивидуальность человека вынуждена функционировать неестественным для нее образом, умножая свою односторонность. Осознав эту неестественность, человек ищет пути возвращения на обетованную почву. И здесь нельзя обойти вниманием нетривиальный способ движения человека к универсальности, возникающий благодаря уникальной способности человека к дифференциации своей личности.

Многоместная индивидуальность

Идея многослойности человеческой личности привлекает к себе внимание с давних времен. Так, согласно представлениям, существующим в индийской философии, человек, кроме его физического тела, имеет еще несколько нематериальных тел (некоторые учения насчитывают семь и более тел); их называют аурами, а все вместе ауральным яйцом.

В наше время предположение, что одно тело может быть носителем нескольких душ, получило творческое продолжение в идее множественной личности или «многоместного субъекта» [3]. Очень убедительно об этом писал Г. Гессе: «... если кто-то осмеливается расширить мнимое единство своего «я» хотя бы до двойственности, то он уже почти гений, во всяком случае редкое и интересное исключение. В действительности же любое «я», даже самое наивное, это не единство, а многосложнейший мир, это маленькое звездное небо, хаос форм, ступеней и состояний, наследственности и возможностей» [7, с. 66–67].

Остается открытым вопрос: зачем, с какой целью человек приходит к множественному проявлению себя? Самое распространенное представление о функциях разных Я и об их отношениях друг с другом таково: одно Я наблюдает за другим, одно живет, переживает, другое холодно и беспристрастно оценивает. Эта главная тема отражает естественное стремление человека к самопознанию.

Среди иных составляющих Я обсуждается образование, получившее условное название «Тень». Персонажи Шен Де и Шой Да из пьесы Б. Брехта [4], будучи полными противоположностями в отношении к окружающим, представляют собой симбиоз — доброй Шен Де необходима помощь безжалостного Шой Да, который порожден ею и подобен ее тени. Выделение области Тени внутри психического можно рассматривать как способ решения задач, возникающих в связи с проблемой невозможности выбора в условиях одновременного предъявления к человеку взаимоисключающих требований.

Португальский поэт Фернандо Пессоа привлекал к себе внимание исследователей загадкой своих «гетеронимов» — литературных двойников. Высказывалось предположение, что создание гетеронимов — противоядие от тоски и скуки, средство приобрести вкус к жизни. Поэт, запертый в себе самом, обреченный на одиночество и скептицизм, стремится покинуть крепость своей разобщенности. Однако интереснее то, что он сам писал о причине разделения своего я: «Быть чем-то одним означает быть в тюрьме, // Быть собой означает не быть. // Я буду жить убегаю, // Но жить по-настоящему» [15, с. 32]. Ф. Пессоа здесь высвечивает неожиданную, неявную функцию дифференциации личности — освобождение человека от социального давления. Поэт открывает для себя своеобразный путь к свободе, описывает условия ее обретения: свобода есть состояние неопределенности, достичь которого можно только в движении, в промежутке между определенностями — гетеронимами.

Это представление в чем-то созвучно конфуцианскому идеалу «у-во» (или «муга» по-японски), т. е. Не-Я [20]. Истинное Я обретается при достижении состояния Не-Я, или свободы. Совершенному человеку свойственна гибкость — готовность к личностной трансформации ради социальной конформности. Произвольный переход от одного Не-Я к другому дает возможность человеку чувствовать себя свободным, находясь при этом в регламентированных социальных ячейках общества.

Создавая гетеронимов, человек обретает искомую целостность-универсальность за счет возможности перехода от одной личности к другой. Универсальность, таким образом, достигается путем разворачивания по оси времени, в отличие от одномоментной универсальности, сжатой в идеале совершенства. Идеал, который формируется на этом пути развития индивидуальности, отличается от ранее упомянутых (Совершенство, Человечество) тем, что один человек становится обладателем разных индивидуальностей, и потому этот идеал условно можно назвать идеалом Разнообразия. Отметим, что явление «многоместной личности» напрочь разрушает устоявшееся представление об индивидуальности как однозначной единственности, одновременно обнаруживая богатейшие возможности влияния на развитие психики человека.

* * *

Ядром гипотезы о динамическом подходе является сведение реальной ограниченности человека и

его потенциальной универсальности в едином психическом пространстве, что превращает индивидуальность в источник внутренней активности, подвигающий человека к саморазвитию. В этом свете индивидуальность предстает перед нами как уникальное инновативно-консервативное образование, как своеобразный способ совмещения стабильности и подвижности, в котором можно усмотреть общий принцип развития человека: вначале выясняется предел возможностей, а затем изобретается способ его преодоления.

Принципиальная незавершенность человека предполагает темпоральное изучение его индивидуальности, которая открыта в неизвестное будущее и потому есть бесконечно длящаяся, никогда незавершаемая проблема. В этом смысле к человеку в большей мере применимо понятие *динамической* индивидуальности, которое не может реализовываться через *идентичность*, всегда обращенную к прошлому. Динамическая индивидуальность, представленная через *ограниченность*, не реализуется, а постоянно создается, т. е. выступает как *индивидуализация* — процесс инициирования и поддержания постоянно-го самопреобразования.

Завершая данную статью, мы оставляем открытой проблему постижения целостной, неаддитивной индивидуальности, ограничившись выявлением точек роста вероятных направлений ее дальнейшей проработки. По мере возможности мы попытались осуществить сдвиг перспективы рассмотрения человеческой индивидуальности, необходимость которого, на наш взгляд, давно назрела.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы содержания, материала и формы в художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.
3. Библер В.С. Мышление как творчество: Введение в логику мысленного диалога. М., 1975.
4. Брехт Б. Добрый человек из Сычуани // Театр. Т. 3., М.: Искусство, 1964.
5. Выготский Л.С. Педология подростка // Выготский Л.С. Соб. соч.: В 6 т. Т. 4, М., 1984.
6. Выготский Л.С. К вопросу о динамике детского характера // Психология индивидуальных различий. М., 2000.
7. Гессе Г. Степной волк. М., 1999.
8. Зинченко В.П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. № 5.
9. Егорова М.С. Психология индивидуальных различий. М., 1997.
10. Кузанский Н. Апология ученого незнания // Кузанский Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2, М., 1980.
11. Либин А.В. Дифференциальная психология. М., 1999.
12. Лосев А.Ф. Самое само // Лосев А.Ф. Миф, число, сущность. М., 1994.
13. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
14. Луговской В.А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2, М., 1971.
15. Михайловский Н.К. Записки профана. 1875—1876.
16. Пессоа Ф. Лирика. М., 1978.
17. Розанов В.В. 1894/1902 Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского: Опыт критического комментария с присоединением двух этюдов о Гоголе. Изд-е второе. С.-Пб., 1902.
18. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
19. Фуко М. Археология знания. К., 1996.
20. Штайнер Р. Философия свободы. Калуга, 1994.
21. Штейнер Е.С. Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990.
22. Шумакова Н.Б. Система междисциплинарного обучения одаренных детей в школе // Московская психологическая школа: История и современность: В 3 т. Т. 1. кн. 2. М., 2004.
23. Щербанова Е.И. Лонгитюдное исследование развития одаренности школьников // Московская психологическая школа: История и современность: В 3 т. Т. 1. кн. 2. М., 2004.

Individuality: The Unity of Incompatible

V.V. Pechenkov,

Ph.D. in Psychology, senior researcher, leading researcher at the Moscow State University of Psychology and Education and at the Russian Academy of Education

The author puts forward a hypothesis concerning a dynamic approach to exploring individuality. He considers dynamic individuality a mystery (a closed, non-additive, incomplete formation) and chooses the metaphor 'individuality as limitedness' as a starting point for his analysis. The author also discusses the idea about the contradiction between the two possible ways of individuality development - centrifugal and centripetal - and the idea of a 'multi-seated' individuality as an attempt to overcome this contradiction. In the light of the dynamic approach individuality appears as a unique innovative and conservative formation providing the process of individualisation - that is, of initiating and maintaining one's continual self-transformation.

Key words: individuality, problem of combining stability and development, individuality metaphors, montage, movement and dialogue of metaphors, contradiction of ways of individuality development, 'multi-seated' personality, individualisation.

References

1. *Bahtin M.M.* Problemy soderzhaniya, materiala i formy v hudozhestvennom tvorchestve // Voprosy literatury i estetiki. M., 1975.
2. *Berdyayev N.A.* Samopoznanie. M., 1991.
3. *Bibler V.S.* Myshlenie kak tvorchestvo. Vvedenie v logiku myslennogo dialoga. M., 1975.
4. *Brecht B.* Dobryi chelovek iz Sychuani // Teatr. T. 3., M., 1964.
5. *Vygotskii L.S.* Pedologiya podrostka // Vygotskii L.S. Sob. soch.: V 6 t. T. 4, M., 1984.
6. *Vygotskii L.S.* K voprosu o dinamike detskogo haraktera // Psihologiya individual'nyh razlichii. M., 2000.
7. *Gesse G.* Stepnoi volk. M., 1999.
8. *Zinchenko V.P.* Zhivye metafory smysla // Voprosy psihologii. 2006. № 5.
9. *Egorova M.S.* Psihologiya individual'nyh razlichii. M., 1997.
10. *Kuzanskii N.* Apologiya uchenogo neznaniya // Kuzanskii N. Sochineniya: V 2 t. T. 2, M., 1980.
11. *Libin A.V.* Differencial'naya psihologiya. M., 1999.
12. *Losev A.F.* Samoe samo // Losev A.F. Mif, chislo, sushnost'. M., 1994.
13. *Losskii N.O.* Istoriya russkoi filosofii. M., 1991.
14. *Lugovskoi V.A.* Sobranie sochinenii: V 3 t. T. 2, M., 1971.
15. *Mihailovskii N.K.* Zapiski profana. 1875–1876.
16. *Pessoa F.* Lirika. M., 1978.
17. *Rozanov V.V.* 1894/1902 Legenda o Velikom Inkvizitore F.M. Dostoevskogo: Opyt kriticheskogo kommentariya s prisoedineniem dvuh etyudov o Gogole. Izd-e vtoroje. S.-Pb., 1902.
18. *Frankl V.* Chelovek v poiskah smysla. M., 1990.
19. *Fuko M.* Arheologiya znaniya. K., 1996.
20. *Shtainer R.* Filosofiya svobody. Kaluga, 1994.
21. *Shteiner E.S.* Fenomen cheloveka v yaponskoi tradicii: lichnost' ili kvazilichnost'? // Chelovek i kul'tura: Individual'nost' v istorii kul'tury. M., 1990.
22. *Shumakova N.B.* Sistema mezhdisciplinarnogo obucheniya odarennyh detei v shkole // Moskovskaya psihologicheskaya shkola: Istoriya i sovremennost': V 3 t. T. 1. kn. 2. M., 2004.
23. *Sheblanova E.I.* Longityudnoe issledovanie razvitiya odarennosti shkol'nikov // Moskovskaya psihologicheskaya shkola: Istoriya i sovremennost': V 3 t. T. 1. kn. 2. M., 2004.